Фредерик Дессберг

**ПОЛЬША ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРИЗНАНИЯ СССР ФРАНЦИЕЙ:
ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОИСКА КОМПЕНСАЦИЙ**

В конце октября 1924 г. французское правительство Э. Эррио официально признало советское правительство, и польские дипломатические круги были вынуждены интенсифицировать политические и военные отношения с Парижем. По инициативе министра иностранных дел А. Скрзинского Варшава пыталась добиться от Франции официального признания польских восточных границ. Также польские дипломаты старались придерживаться четкой позиции в отношении СССР и влиять на содержание советской формулы признания. Эррио вынужден был искать компромисс между Москвой и Варшавой путем сближения с первой и в то же время защищая вопросы безопасности второй. Это явилось поворотной точкой в отношениях Франции и Польши, посеяв семена недоверия между этими странами.

When the French government headed by Edouard Herriot, officially recognized the Soviet government, in the late October 1924, the Polish diplomacy forcefully moved to strengthen political and military relations with her ally. Under the aegis of the Minister of Foreign Affairs, Aleksander Skrzyński, Warsaw tried to lead France to an official recognition of Poland's eastern frontiers. Also, the Polish diplomacy tried to keep diplomatic prominent situation towards the USSR and to influence the content of the Soviet recognition formula. Herriot had to find a compromise between Moscow and Warsaw, by approaching the first while supporting the security concerns of the latter. This episode was a turning point of the French-Polish relation because of the mutual mistrust it created.

Ключевые слова: советско-французские отношения; советско-польские отношения; Пакт о ненападении; дипломатическое признание СССР.

Keywords: Diplomatic recognition; military alliance; non-aggression pact.

Министр иностранных дел Польши Александр Скрзинский во французском еженедельнике «Новая Европа» 20 сентября 1924 г. заявил: «Польше, между Германией и Россией, необходимы особые гарантии политического порядка для сохранения стабильности на границах» [1]. Говоря о контексте этой декларации, следует отметить, что заявление польского министра было сделано за месяц до юридического признания Советского Союза французским правительством, во время, когда параллельно в Лиге Наций разрабатывался Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, предусматривающий принудительное введение арбитража. Данный проект решительно поддерживался делегациями стран Центральной Европы, особенно польской стороной. Добавим, что Александр Скрзинский получил в марте 1923 г. признание восточных границ Польши по результатам заседания в Париже Конференции послов. Польша, обладая численностью населения в 27 млн жителей, включая многочисленные национальные меньшинства на востоке, увидела в этом еще одно подтверждение своих границ, сложившихся после присоединения Вильнюса в сентябре 1920 г. и Рижского договора, подписанного в марте 1921 г. с Россией. В свою очередь французское правительство считало, что линия восточных границ Польши несла угрозу нового конфликта с Россией, и потому не спешило с их признанием.

Анонсирование председателем нового Кабинета министров Эдуардом Эррио установления дипломатических отношений с Москвой в июне 1924 г., сразу же после образования его пра-

Дессберг Фредерик — преподаватель Университета Париж I Пантеон-Сорбонна — Высшая военная школа Saint Cyr-Coëtquidan. E-mail: freddessberg@yahoo.fr

вительства, означало начало реализации предвыборного обещания коалиции «Картель левых», победившей на парламентских выборах в мае, что должно было продолжить серию признаний Советов, начатую в 1924 г. Великобританией и Италией [2; 3]. Однако принимая во внимание вопросы безопасности, увязанные со сдерживанием Германии (французский политик был уверен, что новый конфликт с Германией разразится в течение 15 лет [4]), Эррио продумывал, как разорвать немецко-советскую связь, установленную Рапальским договором 1922 г. [5]. В циркуляре, направленном в дипломатические миссии Франции в странах Центральной Европы с целью заверения их правительств во французских гарантиях, Эррио настаивал на том, что «создание нормальных отношений с СССР было действием в пользу всей Восточной Европы, которая не может достичь безопасности в полной мере» [6]. Он также подчеркивал безапелляционность французского решения. В отношении Польши, связанной с Францией союзным договором от 1921 г., защищавшим ее в первую очередь от Германии, были необходимы какие-либо гарантии Парижа на случай потенциального конфликта Варшавы с Москвой. В устанавливаемой архитектуре коллективной безопасности в Европе вышеупомянутое заявление Скрзинского выражало неудовлетворенность неполноценностью французских гарантий, что стало объектом последующего дипломатического диалога Варшавы и Парижа относительно места СССР в европейской международной политике.

Вопрос безопасности польского союзника. В 1924 г. Польша усложняла зарождавшиеся советско-французские отношения, ставя многочисленные вопросы, связанные с гарантиями ее безопасности и тем проверяя союзные отношения на прочность. Признание СССР Францией 28 октября 1924 г. повлияло на ход переговоров между французскими и польскими военными ведомствами по вопросу адаптации союзного договора 1921 г. к новому контексту коллективной безопасности и Женевскому протоколу. Французская сторона к тому моменту уже выразила свой отказ принимать участие в возможном конфликте между Советским Союзом и Польшей. В мае она продемонстрировала свою неангажированность в вопросах советско-польской границы и предполагала в случае конфликта Варшавы с Советским Союзом сохранять нейтралитет [7; 8].

Верховное французское командование рассматривало заключенный в 1921 г. военный союз между Польшей и Румынией как оборонительный. Франция не могла гарантировать бесперебойных военных поставок Польше, а также контролировать безопасность в Балтийском море, не рискуя вступить в новый конфликт с Россией. Переписка польского представителя на майских переговорах генерала Станислава Аллера показывает, что Варшава не ожидала большого масштаба французской помощи в случае агрессии с востока. Но и запоздавшее обещание помощи французов в случае польского поражения от России не смогло успокоить волнения поляков и разрешить двусмысленность союза [9].

В секретном франко-польском соглашении, заключенном по результатам переговоров в ноябре 1924 г., СССР обозначен как потенциальный агрессор, но французская помощь в случае конфликта должна была остаться скорее технической [10]. Это, впрочем, расценили в Кэ д'Орсэ как слишком большую уступку, например, со слов политического директора Жюля Лароша (будущего посла Франции в Варшаве), который критиковал соглашательскую по отношению к Польше политику [11]. Французские политические лидеры пытались избежать принудительного обязательства любого характера. Военные хотели сохранить суть союза, однако тоже пытались ограничить французскую помощь в случае конфликта с СССР. И оба круга, дипломаты и военные, соглашались, что нужно проявлять максимальную сдержанность по вопросу гарантии восточных границ Польши. Можно сказать, что Париж выражал готовность защищать независимость Польши, но не ее границы. Эта позиция определила польский вектор французской политики 1920-х гг.

Понимая неоднозначность французской позиции, министр военной обороны Польши генерал Владислав Сикорский созвал в октябре конференцию франко-польского союза и

потребовал, чтобы упоминание Рижского мирного договора 1921 г. с Россией было в заключительном акте конференции. Это означало бы получение от Парижа признания и гарантии польско-советской границы. Эррио наотрез отказался, но теперь Париж должен был пойти на уступку в каком-либо другом вопросе для демонстрации своего союзного отношения [3, р. 52, 53].

Ранг дипломатического представительства Польши и вопрос польского посольства. Перспектива юридического признания советского правительства Францией должна была ускорить подтверждение ее обязательств перед Польшей, особенно в вопросе польского превалирования. Стремясь повысить ранг дипломатических представительств Польши в Париже и Франции в Варшаве до уровня посольств, польская дипломатия могла одержать важную политическую победу. 30 июня 1924 г. представитель Польши в Париже Альфред Хлаповский первым поднял этот вопрос, представив аргументы против вероятного предоставления Германии места в Совете Лиги Наций, его опасение вызвал факт, что приезд советских дипломатов в Париж позволит им занять почетное место в дипломатическом корпусе [12].

Аналогичные опасения могли высказать и страны Малой Антанты, особенно Чехословакия, что требовало политического решения вопроса. Глава польской миссии в Париже обратился к этой теме во время консультаций с политическим руководством Кэ д'Орсэ 3—6 июля. Ларош заверил собеседника в том, что он «ломится в открытые двери», с его слов, Эррио также был хорошо настроен по этому вопросу [13; 14]. Он добавил, что повышение дипломатических рангов представительств стран было бы исторически оправданно, так как это будет означать возвращение к предшествующему разделам Речи Посполитой положению. Тем не менее Кэ д'Орсэ задерживал принятие решения и призывал Варшаву к терпению.

Разговоры на эту тему были прерваны летом, что мало способствовало восстановлению близости, которая была между странами до советско-французского признания. Указывая на факт, что французский посол прибыл в Москву немедленно после установления отношений, Хлаповский предложил его правительству усилить давление на французов, обратившись непосредственно к президенту республики, не упоминая взаимосвязи вопросов о повышении ранга польской миссии и создании советского полпредства [15].

Скрзинский адресовал письмо 19 октября не президенту Г. Думергу, а Эррио, упоминая новый статус франко-советских отношений и добавляя «в конфиденциальном порядке» неизбежность получения посольского ранга дипломатам Варшавы в Ватикане и Риме. Письмо было доведено до сведения генерала Сикорского, вскоре посетившего Париж для участия в переговорах военных ведомств двух стран. Тем временем поверенный в польских делах в Париже Александр Сзембек продолжил действовать вместо отсутствующего Хлаповского [12, s. 99]. Обсудив данный вопрос с военным министром генералом Шарлем Ноллетом, Сзембек 25 октября сообщил в МИД, что Эррио обязался разрешить создание польского посольства в Париже после положительного решения Совета министров, которое было принято 31 октября. Однако сам Эррио ждал 7 ноября, чтобы ответить положительно на письмо Скрзинского от 19 октября. В ходе переговоров военных ведомств в октябре — ноябре 1924 г. для Эррио было важнее смягчить позицию польской стороны, используя данный инструмент влияния, и развивать франко-польский союз в благоприятном для Парижа русле. Положительный ответ Эррио на письмо Скрзинского от 19 октября был датирован 7 ноября, на следующий день после подписания франко-польского военного протокола [16].

Следовательно, Эррио ждал выгодного решения вопросов обороны, чтобы предоставить полякам долгожданную компенсацию. Для Польши вопрос о ранге дипмиссии был вопросом престижа, дипломатического старшинства и в то же время средством испытания надежности франко-польского союза. Дипломатическая миссия Польши в Париже была повышена на уровне посольства до момента вступления в должность первого советского полпреда в Париже. Хлаповский смог вручить свои верительные грамоты 3 декабря, как раз накануне прибы-

тия в Париж из Москвы Леонида Красина. Таким образом, цель поляков занимать в списке дипломатического корпуса более престижное место была достигнута. Французский дипломат Гектор де Панафье был аккредитован в Варшаве 7 декабря.

Вопросы Грузии и Кавказа. Другим интересом Польши было содержание французской формулировки признания Советского Союза. Текст Кэ д'Орсэ охарактеризовал советскую власть «как власть над теми территориями бывшей Российской империи, где ее авторитет признавался населением» [17]. Польская дипломатия была обеспокоена такой формулировкой или, согласно замечанию Эррио, «сделала вид, что возмущается». Протестуя против формулы, ставящей под сомнение восточные границы Польши, Скрзинский напрасно пытался изменить это условие. Для поляков такой подход грозил опасной двусмысленностью, учитывая уже известный контекст военных переговоров с Парижем и отказ Франции признавать границы, установленные по Рижскому договору.

Французская формулировка территориально-пограничного аспекта признания была недостаточно точной, чтобы удовлетворить одновременно как лимитрофы СССР, так и самой Франции, союзников по левой коалиции. В любом случае Эррио в своих воспоминаниях говорил, что он действовал, принимая в расчет именно ситуацию в Грузии, где вспыхнул мятеж против большевистской власти [18, р. 195]. Надеясь на международное признание, грузинские социалисты-эмигранты в Париже обратились к их французским товарищам, чтобы международный статус их страны был принят в расчет в виде дополнения к предусмотренной дипломатической формулировке советского признания. Этот запрос лоббировала группа французских социалистов во главе с Полем Реноделем и представитель грузинского правительства в эмиграции во Франции Акаки Тченкели, которому тайно оказывала поддержку и польская миссия [19; 20]. Однако любое оговаривание статуса Грузии в формулировке признания СССР рисковало быть отклоненным советской стороной. Поэтому Кэ д'Орсэ выступил за принятие более общей формулировки по модели британского текста признания, который определял территорию Советского Союза в «пределах бывшей Российской империи». Это решение исключило осложнение в переговорах с Москвой по грузинскому вопросу. Тченкели было лишь устно сообщено о французских намерениях признать независимость Грузии де-факто.

Когда вспыхнуло восстание в Грузии (конец августа 1924 г.), Эррио собирался отправиться на пятую сессию Конференции по разоружению в Женеве. Он следил за событиями, которые усиливали важность грузинской проблемы накануне признания СССР. Вместе с британским премьер-министром Рамсеем Макдоналдом он поддержал решение Лиги Наций от 11 сентября 1924 г., предложенное представителем Франции Жозефом Поль-Бонкурром. Эта резолюция вызвала протест Москвы, заявившей об «участии французских и английских агентов в восстании в Грузии» [21]. Хотя следует признать, что польская дипломатия и военная разведка были весьма эффективны в тот момент на Кавказе.

Подход, обозначенный в формуле признания, мог быть распространен и на территории соседних с СССР государств, на которые предъявляла или могла предъявить требования советская сторона (Бессарабия, восточные границы Польши, Грузия), но позиция французской власти оставалась очень двусмысленной: она наконец де-факто признала существование границ по Рижскому договору и суверенитет Румынии над Бессарабией, не желая брать на себя лишних обязательств по их гарантии.

Париж так же отреагировал на попытку провозглашения независимости Грузии от СССР, предпринятую в ходе восстания, организованного грузинскими меньшевиками. Не отрицая расположенности к повстанцам, Франция, однако, проявила осторожность, избежав его признания до момента, когда оно было подавлено большевиками, что также удержало тренд на нормализацию отношений с Москвой. В итоге в документе советского признания Грузия не упомянута, но оговорка о признании советской власти могла относиться как ко всем народам, протестующими против советской оккупации, так и к обеспокоенным советским ли-

митрофам, о чем отчитался Эррио, выступая перед парламентской комиссией по вопросам иностранных дел Национальной ассамблеи [22].

Судебный процесс по флоту Врангеля. Вследствие советской военной разведки также встала проблема возвращения русской эскадры, служившей для эвакуации из Крыма войск и беженцев генерала Врангеля, которая была пришвартована в тунисском Бизерте [12, s. 106–110; 23]. В 1923 г. министр иностранных дел Раймон Пуанкаре обещал возвращение флота, как только советская власть будет признана. Приход к власти Эррио логически означал готовность Франции приступить к возвращению. Однако встала проблема баланса военно-морских сил в Черном море в случае передачи русских кораблей, о чем заявили протесты румыны. Не желая раздражать румынского союзника, Эррио стал рассматривать вариант переброски эскадры в Балтийское море с запретом на ее размещение в Черном море после признания СССР. Однако это вызвало недовольство польской стороны, которая предпочла бы направить все русские корабли в черноморский бассейн. В итоге Варшаве вместе с Эстонией и Латвией под разными предложениями удалось задержать возврат эскадры [24; 25]. Польское посольство пользовалось своим влиянием во французских политических кругах, особенно в Палате депутатов, где заявлялись протесты против возврата эскадры. К тому же флот в Бизерте оставался бы инструментом давления на Советы в вопросе долгов. В результате флот так и не был возвращен и был пущен на металлолом.

И после? Пакты о ненападении. Новые контуры франко-советского сближения и активизация континентальной политики Москвы, в которой немецкий фактор играл значительную роль, привели к новому этапу в польско-советских отношениях. Они были испорчены многочисленными пограничными инцидентами и вопросами украинских и русских меньшинств в Польше. Советский представитель в Варшаве (с октября 1923 г. по октябрь 1924 г.) Леонид Оболенский был вызван в Москву летом 1924 г., в самый разгар польско-советских пограничных конфликтов, и заменен Петром Войковым, направленным для разрешения конфликтов. 28 августа 1924 г., отвечая на польскую ноту, Политбюро предлагает программу новой польско-советской конференции [26, р. 227; 27, с. 50, 51]. В достаточно короткие сроки сторонам удалось нормализовать ситуацию с пограничными инцидентами, и в начавшихся переговорах Москва стала рассматривать улучшение отношений с Парижем как повод для нормализации отношений с Варшавой, которые могли быть реализованы в рамках Пакта о ненападении, проект которого предложил НКВД в ноябре 1924 г.

Париж видел конфигурацию европейской безопасности как коллективную, понимая, что односторонними действиями достичь ее не удастся, стремясь подтолкнуть Варшаву и Москву к заключению пакта о ненападении. Сама идея подобного договора впервые была упомянута летом 1924 г., а в начале 1925 г. ее впервые обсудили нарком Г. В. Чичерин и его польский коллега Скрзинский. Однако переговоры продвигались медленно, затягивались из-за разницы точек зрения на архитектуру безопасности: Варшава, играя роль регионального центра, хотела инициировать подписание коллективного договора между всеми советскими лимитрофами (включая Румынию и страны Балтии) и СССР, Москва же хотела избежать единого фронта западных соседей и стремилась лишь к двустороннему договору, дополнительно гарантированному арбитражем Франции. Для Парижа было ясно, что дипломаты НКВД ищут способ использовать франко-польский союз, чтобы прийти до подписания пакта о ненападении с Польшей, обращаясь, например, к посредничеству Жана Эрбетта, полпреда Франции в Москве. Последний поощрял Кэ д'Орсэ в «помощи в создании гарантии мира между Польшей и СССР» [28].

Нужно отметить, что и недавно созданные государства Центральной Европы старались не обострять отношения с Россией, так как равновесие, установленное мирными договорами, оставалось хрупким. В действительности с 1921 по 1924 г. пограничные инциденты подрывали отношения между Варшавой и Москвой, территориальный спор из-за Бессарабии

создавал постоянное напряжение между Советским Союзом и Румынией; наконец, поддержка Москвой и Коминтерном национальных меньшинств в национально-территориальных спорах, попытка государственного переворота в Эстонии в декабре 1924 г. способствовали восприятию СССР как угрозы для мира в Центральной и Восточной Европе.

Однако польско-советский договор о ненападении, скрепленный французскими гарантиями, был выгоден не только участникам, но и в целом значительно бы разрядил обстановку во всем конфликтном регионе. Поляки и балтийские народы нуждались в солидарной поддержке со стороны Франции при сохранении угрозы советского вмешательства, в то время как Москва стремилась добиться гарантий французского мира со своими восточными соседями. Сложность этого «дипломатического бильярда» в трех полосах объясняла, почему он стал ключевым вопросом в 1925 г. в контексте строительства политики коллективной безопасности, все больше вовлекая Советский Союз в европейские дела. Французский фактор воспринимался центральноевропейскими союзниками Парижа по-разному, главным образом из-за разной степени конфликтности отношений, которые они имели с Москвой.

Заключение. Признание Советского Союза Францией стало поворотом в отношениях между Варшавой и Парижем. Для поляков оно не было сюрпризом, как и не было расценено как враждебный акт. Однако сразу же стало ясно, что в широкой повестке дипломатического и военного сотрудничества Парижа и Варшавы многие вопросы отныне будут осложнены необходимостью сохранять нормальные отношения с восточным соседом Польши. Переговоры военных ведомств Франции и Польши в 1924 г. показали разность подходов двух стран к польско-советским территориальным конфликтам и вопросу о месте и роли СССР в европейских делах. Но усилившееся недоверие во франко-польских отношениях не помешало инициировать дальнейшие шаги, направленные на развитие дипломатического диалога с СССР. Франция при этом сохраняла свое влияние в Польше и считалась надежным союзником самими поляками, что подтвердили последующие переговоры по вопросу заключения пактов о ненападении между СССР и его лимитрофами. Эта гармония во франко-польских отношениях продолжалась до начала франко-советского сближения в начале 1930-х гг., т. е. до времени, когда созданная Парижем союзническая система работала эффективно. Тогда уже авторитарная Польша в лице маршала Пилсудского и полковника Ю. Бека изменила ориентацию на Францию, считая, что ни Париж, ни Лига Наций не в состоянии эффективно гарантировать ее безопасность. Отклоняясь от франко-советской линии по созданию модели коллективной безопасности, Варшава выбрала свой путь балансирования.

Перевод с французского языка доцента кафедры истории южных и западных славян БГУ В. В. Репина, студентки кафедры А. Евмененко

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Wandycz Piotr S.* Aleksander Skrzyński (1882—1939) : diplomate et philosophe // Nations, cultures et sociétés d'Europe centrale aux XIXe et XXe siècles / éd. : Horel C. Paris : Publications de la Sorbonne, 2006. P. 109—120.
2. *Hogenhuis-Seliverstoff Anne.* Les relations franco-soviétiques, 1917—1924. Paris : Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
3. *Dessberg Frédéric.* Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935). Bruxelles : P. I. E. Peter Lang, 2009. 440 p.
4. *Carley Michael J.* Episodes from the Early Cold War : Franco-Soviet Relations, 1917—1927 // Europe Asia Studies. 2000. Vol. 52/7. P. 1275—1305.
5. *Soutou Georges-Henri.* L'alliance franco-polonaise (1925—1933) ou comment s'en débarrasser? Revue d'Histoire Diplomatique. Paris, 1981. P. 295—348.

6. Archives du ministère français des Affaires étrangères (далее — МАЕ), série Europe 1918—1940, Pologne. Vol. 134. P. 163, note du 18 juin 1924.
7. *Buĥak Henryk*. Les relations franco-polonaises dans la première période du gouvernement d'Édouard Herriot (juin — novembre 1924). *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego*. 1992. № 98. P. 111—135.
8. Service Historique de la Défense / Département de l'Armée de Terre (далее — SHD/DAT), 7N 3006, procès-verbal de l'entretien du 19 mai et note du 23 mai.
9. Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Spraw Zagranicznych (далее — AAN, MSZ). France, 3760. P. 33—43. Rapport du general Haller du 3 juin 1924.
10. SHD/DAT, 4N 93, état-major de Foch.
11. SHD/DAT, 7N 3006, note de Jules Laroche. 30 octobre 1924.
12. *Wołos Mariusz*. Alfred Chłapowski (1874—1940). Biografia ambasadora Polski we Francji, Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 1999. 342 s.
13. МАЕ. Vol. 134. P. 161. Herriot à Hector de Panafieu (représentant de la France à Varsovie), 9 juillet 1924.
14. AAN. MSZ, 3783. P. 230, rapport du 10 juillet 1924.
15. AAN. Ambassade v Paryżu, 111. P. 20—21, télégramme du 18 octobre 1924.
16. AAN. MSZ, 3784. P. 151.
17. МАЕ. Vol. 356, France-Russie. P. 165—168, 28 octobre 1924.
18. *Herriot Édouard*. Jadis, 1—2 vol. 1948—1952. Vol. 2. D'une guerre à l'autre (1914—1936), Paris : Flammarion, 1952. P. 195. 639 p.
19. МАЕ. Russie. Vol. 652. Géorgie, lettre du Groupe socialiste de l'Assemblée à Herriot.
20. Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC), archives de la République indépendante de Géorgie (ARIG), Microfilm 881, boîte 48, rouleau 142.
21. МАЕ. Vol. 652. P. 65, 18 septembre 1924.
22. Archives nationales (AN), F7, 15968, Édouard Herriot, L'Éclair et L'Avenir du 19 novembre 1924.
23. *Wołos Mariusz*. La flotte Wrangel : un obstacle au rapprochement franco-soviétique. // Sécurité et coopération militaire en Europe, 1919—1945 / éd.: Bonneville A. C. Paris : L'Harmattan, 2004. P. 175—190.
24. МАЕ. Vol. 1134. P. 137, 18 novembre 1924.
25. AAN, MSZ, 6637. P. 163, 3 décembre 1924.
26. *Cienciala Anna; Komarnicki Titus*. From Versailles to Locarno : Keys to Polish Foreign Policy (1919—1925). Lawrence, Ks : University Press of Kansas, 1984. 382 p.
27. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939 : сб. док. / редкол. : Г. М. Адиебеков. М. : Росспэн, 2001. 398 с.
28. МАЕ. Vol. 141. P. 57, 26 mars 1925.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2014 г.